

Приземлившись, он ударился коленом обо что-то.

Он тяжело задыхался.

Затем поднял голову.

Засунув волшебную пачку во внутренний карман пальто, он поднялся и отряхнул пыль с колен.

Рядом стоял зеленый мусорный бак с неплотно закрытой крышкой, а на ней примостилась рыжая кошка.

Кошка взглянула на него, прищулив глаза в узкие щелочки, а затем неторопливо спрыгнула вниз, задрав хвост высоко вверх, словно говоря: «Человек, меня это не касается».

Сириус стоял в переулке, засунув руки в карманы, и смотрел снизу вверх на постепенно темнеющее небо.

На душе у него все еще скребли кошки. Но по сравнению с тем, что было десять минут назад, — намного лучше.

Он зашагал вперед. Без какой-либо цели, просто шел.

Его ботинки звонко ступали по булыжной мостовой, отбивая такт — раз за разом, словно какой-то не слишком устойчивый метроном.

Проходя мимо пекарни, он уловил доносившийся из щели в двери аромат свежего хлеба — горячего, сладкого, из-за чего он вдруг отчетливо понял, что не ел почти целые сутки.

Он пошарил по карманам: у него оставалось еще несколько монет, магловских, как раз хватило бы на буханку хлеба.

Но он не остановился.

В голове промелькнули рок-плакаты со стен его спальни. Эти взрывные, бунтарские, не признающие никаких правил мелодии.

А еще тот переулок, о котором в прошлом месяце упоминал Джеймс: «Знаешь, в Лондоне есть один старый переулок? Там находится подпольный лайв-хаус, его открыли маглы. Каждый вечер там выступают группы. Мой двоюродный брат заходил туда и говорил, что там безумно шумно, но просто потрясающе. Тебе точно понравится, Сириус».

Когда Джеймс говорил об этом, его глаза сияли, как два фонаря.

Сириус повернулся и направился вглубь переулка.

Чтобы толкнуть эту покрытую ржавчиной деревянную дверь, потребовалось приложить немало усилий: петли, казалось, не смазывали еще с восьмидесятых годов, и дверь издала долгий, протяжный скрип, напоминающий зевок старого кота.

Звуки доносились из-за матерчатой занавески. Приглушенные, но исполненные мощи.

Удары барабанов отдавались вибрацией, низкие частоты бас-гитары карабкались вверх по стенам, добирались до его подошв, а от них — прямо к груди, заставляя ребра вибрировать в такт.

Сириус отдернул занавеску.

Оглушающая мелодия мгновенно окутала его.

Он нашел местечко в углу у барной стойки и прислонился.

Не к стулу — к стене. Прислонившись спиной к стене, он скрестил руки на груди, спрятал лицо в тени и, отбросив всю свою заносчивость и свирепость, просто стоял и слушал выступающую на сцене группу.

Голос солиста был сорванным.

И дело было не в банальном петухе, а в той умышленно расколотой хрипote, напоминавшей скрежет наждачной бумаги по дереву, от которой в груди приятно щемило.

Барабанщик играл весь в мыслях, его волосы мотались из стороны в сторону, едва не задевая стоявшего рядом гитариста, но каждый раз разминаясь на волосок — так, будто он это специально репетировал.

Все было таким шумным, хаотичным, лишенным всяких условностей — полная противоположность тем чистокровным званым ужинам в родовом гнезде Блэков, где полагалось сидеть исключительно прямо, не касаясь спинки стула, говорить не громче определенного уровня децибел и улыбаться, не обнажая зубов.

Затем его взгляд упал на сцену и уже не смог от нее оторваться.

Это была девушка.

Она стояла под софитами, прижимая к себе красную бас-гитару.

Черный обтягивающий топ на бретельках, рваные рабочие кожаные штаны, на ногах — массивные ботинки на толстой подошве. Шнурки были завязаны как попало, шнурок на левом ботинке развязался и волочился по полу, раскачиваясь в такт ее движениям, словно маленькая черная ленивая змейка.

Густые бордовые волнистые волосы были собраны наполовину, несколько выбившихся прядей прилипли к шее, влажные от пота, и ярко блестели в лучах синей подсветки.

В синем свете софитов ее лицо казалось очень бледным.

Оливково-зеленые глаза были прикованы к ее собственным пальцам — к струнам — к какой-то точке на грифе, видимой только ей одной.

Ее губы были чуть сжаты, и это не было выражением какой-то эмоции — скорее состоянием. Состоянием из разряда: «Я здесь, я играю, и все остальное не имеет никакого значения».

Сириус смотрел на нее. Сам того не зная, он даже стал дышать тише.

А потом она заиграла.

Низкие частоты бас-гитары взорвались из динамиков — это был не тот бесцветный, вялый бас, издающий глухое бум-бум-бум, словно зевающий бегемот, а тяжелый, глубокий, бархатистый бас, подобный рвущемуся на свободу дикому зверю, которого слишком долго продержали в заперти.

Ее пальцы стремительно перебирали струны, каждая нота звучала чисто и четко, без лишней тягучести, неся в себе дерзкий посыл: мне плевать, что вы об этом думаете.

Каждая нота словно кричала: вам меня не удержать.

Сириус крепче сжал в руке стакан с пивом.

Во время проигрыша к краю сцены, шатаясь и раскачиваясь, подбрел смертельно пьяный мужчина.

На нем была мятая клетчатая рубашка, пара верхних пуговиц расстегнута, обнажая покрасневшую кожу на груди.

Он протянул руку — под ногтями виднелось что-то черное, то ли грязь, то ли еще какая-то

дрянь, — и попытался схватить ее за корпус бас-гитары.

Красотка, — из его рта полился пьяный бред, голос звучал невнятно, как размокший кусок бумаги, а язык, казалось, стал раза в два больше обычного. — Неплохо лабаешь, дай-ка братишке потрогать твою гитарку...

Зрители вокруг замерли.

Барабанщик сбился на полтакта, гитарист взял фальшивый аккорд. Все видели эту руку, но никто не успел среагировать...

Кролла даже не повела бровью.

Она отступила на шаг назад и взмахнула ногой.

Массивный носок ботинка на толстой платформе точно угодил прямо в эту загребущую лапу.

Удар был хлестким и решительным, без малейших колебаний, исполненный с таким спокойствием, будто она провожала этот трюк в сотый раз и удивляться тут было нечему.

А-а-а! — пьянчуга схватился за руку и отшатнулся назад, споткнувшись о стоявший рядом динамик, и отскочил прочь, как кошка, которой наступили на хвост.

Кролла наклонилась, крепко прижав гитару к груди.

Затем она подняла взгляд, и в ее оливково-зеленых глазах плескался ледяной, острый блеск.

Убери руки от моей гитары, — произнесла она.

Тон был невысоким. Голос — тихим. Но каждое слово прорезало воздух, как тонкое, сияющее, прочно стоящее на лезвие бритвы.

Проваливай отсюда.

Пьяный разинул рот, собираясь, должно быть, бросить какую-нибудь браваду для вида, вроде «да ты знаешь, кто я такой» или «мелкая соплячка».

Но, перехватив ее взгляд, а затем заметив нескольких зрителей из передних рядов, уже закатывавших рукава, он в конце концов лишь молча выругался и растворился в толпе.

Кролла отвела взгляд.

Мелодия бас-гитары зазвучала вновь. Еще более дерзкая, еще более мощная. Так, будто ничего и не произошло.

Песня закончилась, со всех сторон раздались аплодисменты.

Кролла вместе с остальными музыкантами слегка поклонилась в знак приветствия, подхватила красную бас-гитару и невозмутимо покинула сцену, направляясь напрямик к выходу в черный ход.

Ее шаг был ни быстрым, ни медленным, мартинсы ритмично стучали по деревянному полу, а гитара легко покачивалась за ее спиной, словно безмолвная, пылающая тень, принадлежащая только ей одной.

Сириус опустил стакан с пивом — он почти ничего не выпил — и выпрямился.

Он поправил воротник рубашки, его лицо было совершенно бесстрастным, будто он просто собирался сменить место.

Он и так собирался уходить из этого шумного места. Направиться к черному ходу было лишь по пути.

Они шли друг за другом на небольшом расстоянии, покинули лайв-хаус и растворились в прохладном воздухе летнего лондонского вечера.

В тот самый момент, когда дверь закрылась, музыка внутри стихла, и остались лишь доносящийся издали шум уличного трафика да их собственные шаги.

Она не оглянулась. Он не стал к ней приставать.

Они оба запомтали лица друг друга, но молча сошлись на том, что это была лишь мимолетная случайная встреча.

Кролла сочла его просто высокомерным магловским мажором из богатой семьи, который заглянул послушать музыку в одиночку — из тех ребят из какой-нибудь частной школы-интерната, что сбегают погулять во время каникул.

Сириус же видел в ней обычную магловскую девчонку, влюбленную в рок, с дерзким и независимым характером, живущую так свободно и ярко — именно так, как он сам никогда не жил.

Обычная. Свободная. Эти два слова пронеслись у него в голове, и вдруг ему стало немного смешно.

Он никогда раньше не думал, что слово «обычная» может звучать настолько привлекательно.

<http://bllate.org/book/22381/2348020>